

Глава 49: Особенный Янь Пин.

Одной вещи я больше всего боялся с юных лет - того, что придется участвовать в ежегодном дворцовом банкете. Ань И, единственная дочь Дяди Аня, была слишком властной и все время заставляла меня играть с ней.

Она была полна озорства, а вот я родился слабым. Мне всегда приходилось отдыхать, чтобы восстановить силы, а она преследовала меня и тащила играть на улицу. Она всегда радовалась, пробежав несколько кругов по императорскому саду, но я был слишком усталым и истощенным. После того как я возвращался домой, мне приходилось отдыхать еще пару дней, чтобы поправиться. Это было ужасно.

Много лет спустя, в тот роковой день, когда она отдалилась от меня, я обнаружил, что боюсь потерять ее больше, чем быть вынужденным играть с ней.

Когда маленькому Цин Цзюню исполнился год, он был назначен наследным принцем. Когда ему было четыре года, император назначил меня наставником наследного принца. Когда он стоял передо мной на своих коротких ногах, я мог разглядеть ее силуэт в его мерцающих виноградных глазах. Мое сердце сжалось.

(Примечание: наследный принц Цин Цзюнь - ребенок Фэн Чжао Вэня и Ань И. Тот, которого она носила в предыдущей главе.)

Глаза Феникса Его Величества были властными и сильными, в то время как глаза Ань И всегда мерцали и несли следы улыбки. У нее всегда были свои собственные идеи. С юных лет она была как чистое озеро, слишком невинное и прекрасное для этого мира. Всякий раз, когда она улыбалась мне, не сдерживаясь, искорка ее улыбки могла проникнуть в мое сердце.

Возможно, именно ее искренность привлекла к ней Его Величество в самом начале. Или он это заметил в ней во время визита к Великому Чэню.

Тогда судьба прокладывала себе путь в яростной, неудержимой манере. Я очень хотел убежать от нее, а она, в свою очередь, продолжала горячо преследовать меня. Но несмотря ни на что, я мог сказать, что мое сопротивление ей было слабым.

Но она была слишком наивна, чтобы все уладить. Она знала только, что нужно преследовать меня, а я убегал в панике, не дав себе возможности хорошенько рассмотреть человека, преследующего меня.

Люди во дворце смеялись над ней, называя ее «страстью сломанного рукава». Каждый раз, когда я входил во дворец, люди указывали на меня, сплетничая. Когда я натыкался на нее, она невинно и искренне улыбалась, а у меня возникало желание столкнуть ее в пруд.

(Примечание: страсть сломанного рукава - гей на сленге.)

В конце концов, я действительно это сделал. Прежде чем уйти, я пнул ее ногой в пруд.

Это не было единичным случаем, и со временем я привык относиться к ней со злобой.

После того как тогдашний наследный принц Великой Ци уехал, отец пригласил меня в свой кабинет, чтобы поговорить о работе. Он беспокоился о нашем глупом наследном принце и в конце концов решил сменить лагерь. Теперь он был в сговоре с наследным принцем Ци и

обещал помочь ему, как только начнется война между нашими королевствами.

Я ошеломленно уставился на собственного отца. Большая часть его волос поседела, но лицо все еще оставалось грубым, как у человека, часто бывавшего на поле боя. Он по-прежнему выглядел великолепно и страстно любил эту землю.

Политическая сцена Великого Чэня была запутана. Два года спустя здоровье императора Великого Чэня пошатнулось. Императрица вмешивалась в политику, в то время как наследный принц был глупым человеком, который вообще ничего не понимал в делах. Эта ситуация посеяла раздор между министрами.

Отец и дядя Ан оказались в самой гуще событий.

Дядя Ан всегда был честен и открыт; он был не из тех, кто льстит правителю. Императрица постоянно жаловалась на дядю Аня в присутствии отца, жаловалась на то, что он отказывается сотрудничать с другими. Отец советовал ему успокоиться. Двор выглядел мирным только снаружи, но не был таким внутри.

После смерти императора Великого Чэня это внешнее спокойствие было нарушено. Отец еще раз поговорил со мной в своем кабинете о тайной печати, которая была у дяди Аня. Поговаривали, что печать была вручена ему покойным императором, чтобы он мог тайно обучать армию. Он не должен был использовать ее, разве что в крайнем случае.

Наследный принц Великой Ци был втянут в войны со всех сторон. Он завоевывал маленькие царства, граничащие с Великой Ци. Отец в тайне хвалил его, называя героическим и великолепным. Он сказал мне, что тогда принял правильное решение.

Вот что он еще сказал: «Ань И, это отродье, она всегда слушалась тебя. Попробуй прощупать, где печать. Еще лучше, если тебе удастся обманом вытянуть этот секрет.»

Ее пара сверкающих глаз невольно всплыла в моем сознании. Такая безрассудная невинность, она совершенно не осознавала опасности, окружавшей ее. Как можно быть такой невинной?

Она полностью игнорировала угрозы вокруг себя; она была настолько чиста, что это было неприлично.

В тот вечер, на яхте, она поцеловала меня. Это было так мило и нежно, что я не мог устоять. Я сошел с ума; в моей голове звучал голос, который продолжал кричать, что этого недостаточно. Я хотел большего. И мне потребовалось много времени, чтобы успокоиться и не пристать к ней в ту ночь.

Как можно быть такой соблазнительной?

Я понял, что больше не могу себя контролировать.

Прежде чем мне удалось выяснить, где находится печать, из дворца пришло известие. У дяди Ан оставалось не так уж много времени.

Тот человек во дворце использовал один и тот же метод снова и снова. Не пощадили никого.

Руй Ван был заинтересован в брачном союзе. Отец велел мне завтра вывести принцессу Ю Чжэн на прогулку. Я провел всю ночь на этой лодке с тяжелой головой. Я все спрашивал себя, действительно ли меня интересует другой человек. Ответ был неожиданным.....

Моя будущая жена должна была быть нежной, как принцесса Ю Чжэн ... Я продолжал упрекать себя за то, что чувствую то, что чувствую. Однако, когда я увидел Ань И, стоящую перед моим домом посреди дождя с парой безжизненных глаз, я едва мог удержаться, чтобы не утешить ее.

Я подумал, что с ее навыками она могла бы увернуться от моих ударов.

Я действительно ненавидел ее. Я ненавидел ее так сильно, что это было неопишимо. Только много лет спустя я, наконец, пришел к пониманию того, что я чувствовал на самом деле. Даже железо расплавилось бы, если бы его безжалостно преследовала эта пара глупых, любящих глаз.

... Однако после этого я уже не видел в ее глазах прежней глупости и любви.

Она всегда любила смеяться. Даже после того, как Дядю Ань похоронили и она была назначена в лагерь генерала Хуан Цзе (которого Маршал недолюбливал) в качестве маленького капитана с не очень светлым будущим, я не видел и следа недовольствия на ее лице.

Была одна трава - очень распространенная в горах. Когда дул весенний ветерок, когда проходило лето, когда осенью падали листья, а зимой землю покрывал снег, на следующий год она все равно вырастала.

Раньше я думал, что она уступает в красоте роскошному пиону, но, оказавшись в зоне боевых действий в городе Суй, я наконец понял, насколько драгоценна эта трава. Ее не замечали и недооценивали только потому, что она была слишком распространенной.

Совсем как она. Я слишком привык к ней. Я привык к ее глазам, преследующим меня, и когда ее глаза наконец перестали следить за мной, я почувствовал потерю.

Только тогда я понял, что она вовсе не такая праздная и глупая, как мне казалось. Она была из тех, кто легко приспосабливается. Она могла бы освободиться от корней и удобно устроиться в любом другом месте. Она была самодостаточна.

Я не мог заставить себя ничего ей сказать. Я боялся, что, начав говорить, изолью все сожаления и угрызения совести, скопившиеся в моем сердце.

Перед битвой в долине Хуанхэ я собрал все свое мужество, чтобы остановить ее лошадь. Впервые в жизни я поднял голову и посмотрел на нее. Тогда я впервые увидел ее такой уверенной и грозной. Она окинула меня равнодушным взглядом.

Хотя я склонился перед необходимостью и отверг ее чувства, я хотел, чтобы она прожила долгую, достойную жизнь.

Возможно, отец не знал о ее чувствах и моих беспокойных ночах. Вот почему он послал меня в лагерь Цянь Фэн к генералу Хуан Цзе. Генерал Хуан Цзе был способным, но немного чересчур патристичным, он был значительным препятствием для намерения наследного принца Ци объединить мир. Он уже был одним из тех, кто стал мишенью со стороны Великого Чэня.

А она сидела, выпрямив спину, направляясь к собственной смерти. Я наблюдал за ее удаляющейся фигурой от входа в город.

На моей стороне было много помощников отца; но я понятия не имел, как спасти ее. Наверное, она меня ненавидела... Должно быть, она действительно ненавидела меня... Из-за того, что я

принес ей слишком много ненависти и горя, не осталось ни единой нити чувств. Когда она улыбалась, ее круглые глаза были пустыми.

Как будто эти глаза уже исчерпали все чувства.

Мое сердце горело. После долгого ожидания пришло известие. Она повредила голову. В ее мозгу образовался сгусток крови, и она забыла обо всем. В моем сердце поднялась волна противоречивых эмоций.

Я надеялся, что она действительно потеряла память, но в то же время боялся, что она полностью забудет меня.

После шести месяцев отсутствия она все еще ничего не вспомнила. Всякий раз, когда она улыбалась, в ее глазах появлялись лед и отчуждение. Возможно, это было чувство, которое никто не мог понять, пока не столкнется лицом к лицу со смертью.

Она никогда не узнает, как я старался сдержать свое счастье, как я удержался от того, чтобы подбежать к ней и поприветствовать ее. Царство скоро должно было погибнуть, но мы оба, она и я, я и она, будем мирно жить в этом мире.

Тогда я еще не знал, что она вошла в столицу с мыслью о смерти.

Следуя за наследным принцем в павильон Цзинь Сю, я видел, как она улыбается нам, стоя внутри горящего здания. Боль в сердце была невыносимой.

Она была слишком невинна, слишком чиста, чтобы знать, как устроен мир.

Она была просто невинным ребенком, который позволил своим чувствам взять верх над собой.

Что будет, если я больше не смогу видеть эту ослепительную улыбку на ее лице? Мир стал бы намного темнее.

Пока наследный принц натягивал лук, я ждал, затаив дыхание. Когда она закрыла самое последнее открытое окно в горящем павильоне Цзинь Сю, я почувствовал, как мое сердце выпрыгнуло из груди в бушующее пламя. Я мучительно выкрикнул ее имя «Сяо И!»

У меня не было возможности сказать тебе, что я не испытываю к тебе неприязни ...
Нисколько....

Мне нравилось, как твои глаза следили за мной. В глубине души я знал, что у меня есть пристрастие к чему-то, что многие люди в обществе никогда не поймут.

Тебя ничего не держало, поэтому я хотел тихо спрятать тебя.

Остались бы только ты и я, совсем одни. Рядом с нами никого не было бы. А ты могла бы смотреть на меня сколько угодно.

Кронпринц был похож на маньяка, пытающегося ворваться в горящий павильон. Императорские гвардейцы не подчинились его приказу и удержали его, несмотря на то, что он толкал их. Потребовались десятки людей, чтобы удержать его. Я ошеломленно сидел неподалеку от него. Зеленые вены вздулись на его лице, а из глаз потекли слезы.

Все казалось таким нереальным. Я почти слышал, как звонкий голос дрожит, зовя: «Невестка ... Невестка....»

Я указал на кронпринца и удивленно спросил: «Почему вы плачете, Ваше Высочество? Вы были с ней всего 6 месяцев.»

Кронпринц хрипло рассмеялся, словно раненый орел со сломанным крылом. Он указал на меня, смеясь, а слезы безостановочно текли из его глаз:

«Разве ты не ненавидел ее? Она так раздражала тебя, что ты пинал ее в пруд всякий раз, когда вы встречались. Почему ты плачешь теперь, когда она умерла?»

Я похлопал себя по лицу и обнаружил, что оно полно слез.

«Да, она был таким отвратительным человеком ... Даже когда она была близка к смерти, она не удостоила меня и взглядом.»

Кронпринц ответил: «Верно. Это ненадежное и бессердечное отродье действительно заслуживает презрения!» Он закрыл лицо ладонью. Слезы текли между его пальцами, увлажняя грудь.

Это была особая глава от лица Янь Пин. Имейте в виду, что Янь Пин все это время находилась под впечатлением, что она мужчина.